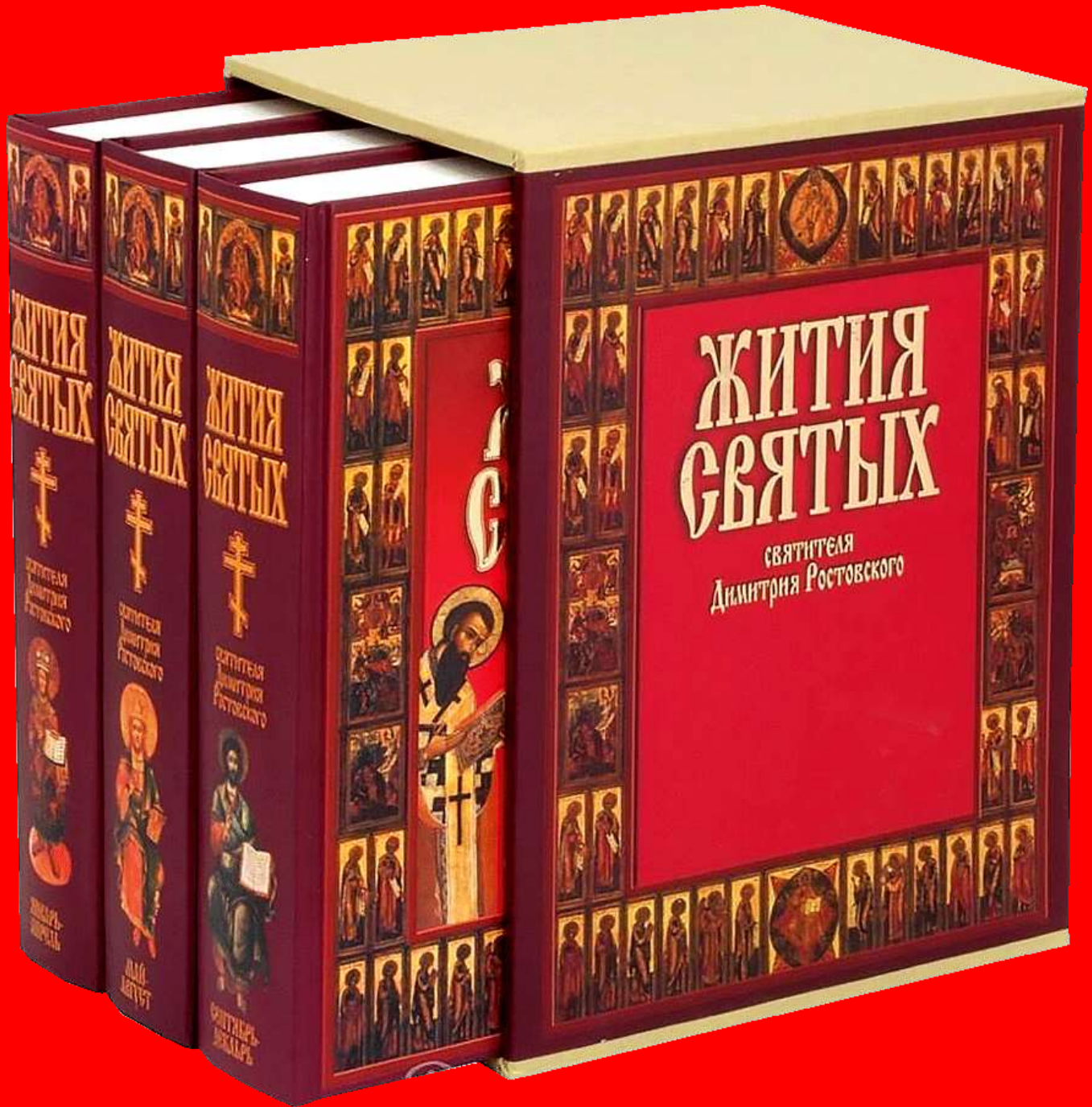

TEZĂUR LITURGIC
1 APRILIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.CUVIOASE
MARIA
EGIPTEANCA

MOSCOVA, 2016

Память 1 апреля

Житие преподобной матери нашей Марии Египетской

"Блюсти царскую тайну хорошо, а открывать и проповедовать дела Божии славно" (Тов.12:7), - так сказал архангел Рафаил Товиту, когда совершилось дивное исцеление его слепоты. Действительно, не хранить царской тайны страшно и губительно, а умалчивать о преславных делах Божиих - большая потеря для души. И я, - говорит святой Софроний¹, написавший житие преподобной Марии Египетской, - боюсь молчанием утаить Божественные дела и, вспоминая о грозящем несчастью рабу (Мф.25:18, 25), закопавшему в землю данный от Бога талант, не могу не рассказать святой повести, дошедшей до меня. И да никто не подумает - продолжает святой Софроний, - что я осмелился писать неправду, когда у кого явится сомнение в этом дивном событии: не подобает мне лгать на святое. Если же найдутся такие люди, которые, прочитав это писание и пораженные преславным событием, не поверят, то к ним да будет милостив Господь, потому что они, размышляя о немощи

человеческого существа, считают невозможными те чудесные дела, которые совершаются со святыми людьми. Однако надо уже начать рассказ о славном событии, происшедшем в нашем роде.

В одном из палестинских монастырей жил старец, украшенный благочестием жизни и разумностью речи, и с ранней юности доблестно подвизавшийся в иноческом подвиге. Имя старцу было Зосима. (Пусть никто не думает, что это Зосима еретик, хотя у них и одно имя: один заслужил худую славу и был чужд церкви, другой - праведный и был прославлен.) Зосима прошел все степени постнических подвигов и соблюдал все правила, преподанные величайшими иноками. Исполняя все это, он никогда не переставал поучаться Божественными словами: и ложась, и вставая, и за работой, и вкушая пищу (если только можно назвать пищей то, что он вкушал в очень малом количестве), он неумолчно и постоянно исполнял одно дело - он пел божественные песнопения и искал поучений в Божественных книгах. Еще в младенчестве он был отдан в монастырь, где доблестно подвизался в постничестве до 53-х лет. Но потом его стала смущать мысль, что он достиг полного совершенства и более не нуждается ни в каких наставлениях.

"Есть ли, - думал он, - на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?"

Когда старец так размышлял, к нему явился ангел и сказал:

"Зосима! Ты усердно подвизался, насколько это в силах человека, и доблестно прошел постнический подвиг. Однако нет человека, который мог бы сказать о себе, что он достиг совершенства. Есть подвиги, неведомые тебе, и труднее пройденных тобою. Чтобы познать, сколько иных путей ведут ко спасению, покинь страну свою, как славнейший из патриархов Авраам (Быт.12:1), и иди в монастырь, лежащий при реке Иордане".

Следуя такому наставлению, Зосима вышел из монастыря, в котором подвизался с младенчества, отправился к Иордану и достиг того монастыря, куда его направил голос Божий. Толкнув рукою монастырские врата, Зосима нашел инока-привратника и сказал ему про себя. Тот известил игумена, который приказал позвать пришедшего старца к себе. Зосима пришел к игумену и исполнил обычный иноческий поклон и молитву.

- Откуда ты, брат, - спросил его игумен, - и для чего пришел к нам, нищим старцам?

Зосима отвечал:

- Откуда я пришел, об этом нет нужды говорить; пришел же я, отец, ища себе душевной пользы, так как слышал о вас много великого и достохвального, могущего привести душу к Богу.

- Брат, - сказал ему на это игумен, - один Бог может исцелить немощи душевные; да наставит он и тебя и нас путем своим на пользу души а человек исправлять человека не может, если он постоянно не вникает в себя и неусыпно, с Божией помощью, не совершает подвигов. Но так как любовь Христова побудила тебя посетить нас, убогих старцев, то оставайся с нами, если для этого пришел. Пастырь добрый, отдавший душу свою для нашего спасения, да ниспошлет на всех нас благодать Святого Духа. После таких слов, Зосима поклонился игумену, просил его молитв и благословения и остался в монастыре. Здесь он видел старцев, сиявших добрыми делами и благочестием, с пламенным сердцем служивших Господу непрестанным пением, всенощной молитвой, постоянным трудом. На устах их всегда были псалмы, никогда не слышно было праздного слова, ничего не знали они о приобретении временных благ и о житейских заботах. Одно у них было

постоянное стремление - это умертвить свою плоть. Главная и постоянная пища их была слово Божие, а тело они питали хлебом и водою, насколько каждому позволяла любовь к Богу. Видя это, Зосима поучался и готовился к предстоящему подвигу.

Прошло много времени, наступили дни святого великого поста, монастырские ворота были заперты и открывались только в том случае, если кого посылали по делам монастыря. Пустынная была та местность; миряне не только не приходили, но даже не знали об этой обители. Был в монастыре том обычай, ради коего Бог привел туда Зосиму. В первую неделю Великого поста за литургией все причащались Пречистого Тела и Крови Господней и вкушали немного постной пищи; потом все собирались в церкви, и после прилежной, коленопреклоненной молитвы старцы прощались друг с другом; и каждый с поклоном просил у игумена благословения на предлежащий подвиг путешествующим. После этого открывались монастырские ворота, и с пением псалма **"Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться?"** (Пс.26:1), иноки выходили в пустыню и переходили через реку Иордан. В монастыре оставались только один или двое

старцев, не для охраны имущества - украсть там было нечего, - но чтобы не оставить церковь без богослужения. Каждый брал с собою немного пищи, сколько мог и хотел по своим телесным потребностям: один немного хлеба, другой - смоквы, кто - финики или моченую в воде пшеницу. Некоторые ничего с собой не брали, кроме рубища на своем теле, и питались, когда принуждал их к тому голод, растущими в пустыне травами.

Перешедши через Иордан, все расходились далеко в разные стороны и не знали друг о друге, как кто постится и подвизается. Если кто видел, что другой идет к нему на встречу, то уходил в другую сторону и продолжал свою жизнь в одиночестве в постоянной молитве, вкушая в определенное время очень мало пищи. Так иноки проводили весь Великий пост и возвращались в монастырь за неделю до Воскресения Христова, когда церковь с ваиами² торжественно празднует праздник Ваий. Придя в монастырь, никто из братин не спрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался, имея свидетелем одну только свою совесть. Таков был монастырский устав Прииорданского монастыря.

Зосима, по обычаю того монастыря, также перешел через Иордан, взяв с собой ради

немощи телесной немного пищи и ту одежду, которую носил постоянно. Блуждая по пустыне, он совершал свой молитвенный подвиг и по возможности воздерживался от пищи. Спал он мало; где застанет его ночь, там уснет немного, сидя на земле, а рано утром пробуждается и продолжает свой подвиг. Ему все больше и больше хотелось пройти вглубь пустыни и там найти одного из подвижников, который мог бы его наставить.

После двадцати дней пути, он однажды приостановился и, обратившись на восток, стал петь шестой час³, исполняя обычные молитвы: во время своего подвига он, приостанавливаясь, пел каждый час и молился. Когда он так пел, то увидал с правой стороны как будто тень человеческого тела. Испугавшись и думая, что это бесовское наваждение, он стал креститься. Когда страх прошел, и молитва была окончена, он обернулся к югу и увидел человека нагого, опаленного до черна солнцем, с белыми, как шерсть волосами, спускавшимися только до шеи. Зосима побежал в ту сторону с большою радостью: в последние дни он не видал не только человека, но и животного. Когда этот человек издали увидал, что Зосима приближается к нему, то поспешно побежал вглубь пустыни. Но Зосима как будто забыл и свою старость, и

утомление от пути и бросился догонять беглеца. Тот поспешно удалялся, но Зосима бежал быстрее и когда нагнал его настолько, что можно им было слышать друг друга, то возопил со слезами:

- Зачем ты, раб Бога Истинного, ради Коего поселился в пустыне, убегаешь от меня грешного старца? Подожди меня, недостойного и немощного, надежды ради воздаяния за твой подвиг! Остановись, помолись за меня и ради Господа Бога, Который никем не гнушается, преподай мне благословение.

Так восклицал Зосима со слезами. Между тем они достигли ложбины, как бы русла высохшей реки. Беглец устремился на другую сторону, а Зосима, утомленный и не имевший сил бежать дальше, усилил слезные мольбы свои и остановился. Тогда бежавший от Зосимы наконец остановился и сказал так:

- Авва⁴ Зосима! Прости меня ради Бога, что не могу предстать перед тобой: женщина я, как видишь, нагая, ничем не прикрытая в своей наготе. Но если ты хочешь преподать мне, грешной, свою молитву и благословение, то брось мне что-нибудь из своей одежды прикрыться, и тогда я обращусь к тебе за молитвой.

Страх и ужас объял Зосиму, когда он услышал свое имя из уст той, которая никогда его не видала и о нем ничего не слыхала.

"Если бы она не была прозорливой, - подумал он, - то не назвала бы меня по имени".

Быстро исполнил он ее желание, снял с себя ветхую, разорванную одежду и, отворотившись, бросил ей. Взяв одежду, она препоясалась и, насколько было возможно, прикрыла свою наготу. Потом она обратилась к Зосиме с такими словами:

- Зачем ты, авва Зосима, пожелал увидеть меня, грешную жену? Хочешь что-либо услышать или научиться от меня и потому не поленился на трудный путь?

Но Зосима бросился на землю и просил у нее благословения. Она также склонилась на землю, и так оба лежали, прося другу друга благословения; слышно было только одно слово "благослови!" После долгого времени она сказала старцу:

- Авва Зосима! Ты должен благословить и сотворить молитву, потому что ты облечен саном иерея и уже много лет предстоишь святому алтарю, совершая Божественные таинства. Эти слова повергли старца еще в больший страх. Обливаясь слезами, он сказал ей, с трудом переводя дыхание от трепета:

- О духовная мать! Ты приблизилась к Богу, умертвив телесные немощи. Божий дар на тебе проявляется больше, чем на других: ты никогда не видала меня, но называешь меня по имени и знаешь мой сан иерея. Посему лучше ты меня благослови ради Бога и преподай свою святую молитву.

Тронутая настойчивостью старца, она благословила его с такими словами:

- Благословен Бог, хотящий спасения душам человеческим!

Зосима ответствовал "аминь", и оба поднялись с земли. Тогда она спросила старца:

- Человек Божий! Зачем ты пожелал посетить меня нагую, не украшенную никакими добродетелями? Но благодать Святого Духа привела тебя, чтобы, когда нужно, сообщить мне и о земной жизни. Скажи же мне, отец, как теперь живут христиане, царь и святые церкви?

- Вашими святыми молитвами, - отвечал Зосима, - Бог даровал церкви прочный мир⁵. Но склонись к мольбам недостойного старца и помолись Господу за весь мир и за меня грешного, чтобы мое скитание по пустыне не прошло бесплодным.

- Скорее тебе, авва Зосима, - сказала она, - как имеющему священный сан, подобает помолиться

за меня и за всех; ибо ты к сему и предназначен. Но из долга послушания я исполню твою волю. С этими словами она обратилась на восток; возведши очи кверху и подняв руки, она начала молиться, но так тихо, что Зосима не слышал и не понимал слов молитвы. В трепете, молча стоял он, поникнув головой.

"Призываю Бога во свидетели, - рассказывал он, - что через некоторое время я приподнял глаза и увидел ее поднявшеюся на локоть⁶ от земли; так она стояла на воздухе и молилась". Увидев это, Зосима затрепетал от страха, со слезами повергнулся на землю и только произносил:
- Господи, помилуй!

Но тут его смутила мысль, не дух ли это и не привидение ли, как бы молящееся Богу. Но святая, подняв старца с земли, сказала:

- Зачем, Зосима, тебя смущает мысль о привидении, зачем думаешь, что я дух, совершающий молитву? Умоляю тебя, блаженный отец, уверься, что я жена грешница, очищенная только святым крещением; нет, я не дух, а земля, прах и пепел, я плоть, не помышляющая быть духом.

С этими словами она осенила крестным знаменем свое чело, очи, уста, грудь и продолжала:

- Да избавит нас Бог от лукавого и от сетей его, потому что велика брань⁷ его на нас.

Слыша такие слова, старец припал к ногам ее и со слезами воскликнул:

- Именем Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, рожденного от Девы, ради Коего ты, нагая, так умертвила свою плоть, заклинаю тебя, не скрывай от меня, но все расскажи о твоей жизни, и я прослаблю величие Божие. Ради Бога, скажи все не для похвальбы, а чтобы дать наставление мне грешному и недостойному. Я верю в Бога моего, для Коего ты живешь, что я направился в эту пустыню именно для того, чтобы Бог прославил твои дела: путям Божиим мы не в силах противостоят. Если бы Богу не было угодно, чтобы ты и твои подвиги сделались известны, Он не открыл бы тебя мне и меня не укрепил бы на такой далекий путь по пустыне. Много убеждал Зосима ее и другими словами, а она, подняв его, сказала:

- Прости меня, святой отец, я стыжусь рассказать о позорной жизни моей. Но ты видел мое нагое тело, так я обнажу и душу мою, и ты узнаешь, сколько в ней стыда и позора. Я откроюсь тебе, не хвалясь, как ты говорил: о чем хвалиться мне, избранному сосуду дьявольскому! Но если начну рассказ о своей жизни, ты убежишь от меня, как от змеи; твой

слух не выдержит повести о моем беспутстве. Однако я расскажу, ничего не умолчав; только прошу тебя, когда узнаешь жизнь мою, не забывай молиться за меня, чтобы мне получить какую-либо милость в день судный.

Старец с неудержимыми слезами просил ее поведать о своей жизни, и она так начала рассказывать о себе:

"Я, святой отец, родилась в Египте, но будучи 12-ти лет от роду, когда были живы еще мои родители, я отвергла их любовь и отправилась в Александрию⁸. Как я потеряла свою девическую чистоту и стала неудержимо, ненасытно предаваться любодеянию, - об этом без стыда я не могу даже помыслить, не только пространно рассказывать; скажу только кратко, чтобы ты узнал о неудержимой моей похоти. Семнадцать лет, и даже больше, я совершала блуд со всеми, не ради подарка или платы, так как ничего ни от кого я не хотела брать, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою похоть. Не думай, что я была богата и оттого не брала, - нет, я жила в нищете, часто голодная пряла охлопья, но всегда была одержима желанием еще более погрязнуть в тине блуда: я видела жизнь в постоянном бесчестии. Однажды, во время жатвы, я увидела, что много мужей - и египтян, и

ливийцев⁹ идут к морю. Я спросила одного встречного, куда спешат эти люди? Тот ответил, что они идут в Иерусалим на предстоящий в скором времени праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста. На мой вопрос, возьмут ли они и меня с собой, он сказал, что если у меня есть деньги и пища, то никто не будет препятствовать. Я сказала ему: "Нет, брат, у меня ни денег, ни пищи, но все-таки я пойду и сяду с ними в один корабль, а они меня пропитают: я отдам им свое тело за плату". - Я хотела пойти для того, чтобы, - прости меня, мой отец, - около меня было много людей, готовых к похоти. Говорила тебе я, отец Зосима, чтобы ты не принуждал меня рассказывать про мой позор. Бог свидетель, я боюсь, что своими словами я оскверню самый воздух".

Орошая землю слезами, Зосима воскликнул: - Говори, мать моя, говори! Продолжай свою поучительную повесть!

"Встретившийся юноша, - продолжала она, - услышав мою бесстыдную речь, засмеялся и отошел прочь. А я, бросив случившуюся при мне пряслицу, поспешила к морю. Оглядев путешественников, я заметила среди них человек десять или больше, стоявших на берегу;

они были молоды и, казалось, подходили к моему вожделению. Другие уже вошли в корабль. Бесстыдно, по обыкновению, я подбежала к стоявшим и сказала: "Возьмите и меня с собою, я вам буду угождать". Они засмеялись на эти и подобные слова, и видя мое бесстыдство, взяли с собой на корабль, и мы отплыли. Как тебе, человек Божий, сказать, что было дальше? Какой язык, какой слух вынесет рассказ о позорных делах, совершенных мною на корабле во время пути: я увлекала на грех даже против воли, и не было постыдных дел, каким бы я не научала. Поверь, отец, я ужасаюсь, как море перенесло такой разврат, как не разверзлась земля и не погрузила меня живою в ад после соращения столь многих людей! Но я думаю, что Бог ожидал моего покаяния, не желая смерти грешника, но с долготерпением ожидая обращения.

С такими чувствами прибылая в Иерусалим и все дни до праздника поступала по-прежнему, и даже хуже. Я не только не довольствовалась юношами, бывшими со мной на корабле, но еще собирала на блуд местных жителей и странников. Наконец, наступил праздник Воздвижения Честного Креста, и я как и прежде, пошла совращать юношей. Увидев, что рано утром все, один за другом, идут в церковь,

отправилась и я, вошла со всеми в притвор и, когда наступил час святого Воздвижения Честного Креста Господня, попыталась с народом проникнуть в церковь. Как я ни старалась протесниться, но народ меня отстранял. Наконец, с большим трудом приблизилась к дверям церкви и я, окаянная. Но все невозбранно входили в церковь, а меня не допускала какая-то Божественная сила. Я снова попыталась войти, и снова была отстранена, осталась одна в притворе. Думая, что это происходит от моей женской слабости, я вмешалась в новую толпу, но старание мое оказалось тщетным; моя грешная нога уже касалась порога, всех невозбранно церковь принимала, меня одну окаянную она не допускала; как будто нарочно приставленная, многочисленная, воинская стража, неведомая сила задерживала меня - и вот я опять оказалась в притворе. Так три-четыре раза я напрягала силы, но не имела успеха. От изнеможения я не могла более вмешиваться в толпу входящих, все тело мое болело от тесноты и давки.

Отчаявшись, я со стыдом отступила и встала в углу притвора. Очнувшись, я подумала, какая вина не позволяет мне видеть животворящее древо Креста Господня. Свет спасительного разума, правда Божия, освещающая душевные

очи, коснулась сердца моего и указала, что мерзость дел моих возбраняет мне войти в церковь. Тогда я стала горько плакать, с рыданиями бить себя в грудь и вздыхать от глубины сердца.

Так я плакала, стоя в притворе. Подняв глаза, я увидела на стене икону Пресвятой Богородицы и, обратив к ней телесные и душевные очи, воскликнула:

- О Владычица, Дева, рождающая Бога плотию! Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня блудницу. Но я слышала, что рожденный Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь! Повели, чтобы мне не возбранен был вход в церковь, дай мне узреть Честное древо, на котором плотию был распят рожденный Тобой, проливший святую кровь Свою за избавление грешников и за мое. Повели, Владычица, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери церкви для поклонения Божественному Кресту! Будь моей верной поручительницей перед Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда,

но, возрев на крестное древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь меня Ты, поручительница моего спасения. Так я сказала. Подбодренная верою и убежденная в милосердии Богородицы, я как будто по чьему-то побуждению, двинулась с того места, где молилась, и смешалась с толпой входящих в церковь. Теперь никто меня не отталкивал и не мешал дойти до дверей церкви. Страх и ужас напал на меня, я вся трепетала. Достигнув дверей, прежде для меня затворенных, я без труда вошла внутрь святой церкви и сподобилась видеть Животворящее древо, постигла тайны Божии, поняла, что Бог не отринет кающегося. Падши на землю, я поклонилась Честному Кресту и облобызала его с трепетом. Потом я вышла из церкви к образу моей поручительницы - Богородицы и, преклонив колена перед Ее святой иконой, так молилась:

- О присноблаженная Дева, Владычица Богородица, не погнушавшись моей молитвы, Ты на мне показала Свое великое человеколюбие. Я видела славу Господню, блудная и недостойная зреть ее! Слава Богу, ради Тебя принимающему покаяние грешных! Вот все, что я грешная могу помыслить и сказать словами. Теперь, Владычица, пора

исполнить то, что я обещалась, призывая Тебя поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как довершить спасение на пути покаяния.

После этих слов я услышала, как будто издалека, голос:

- Если перейдешь через Иордан, то найдешь себе полное успокоение.

Выслушав эти слова с верою, что они обращены ко мне, я со слезами воскликнула, взирая на икону¹⁰ Богородицы:

- Владычица, Владычица Богородица, не оставь меня! С этими словами я вышла из церковного притвора и быстро пошла вперед.

На дороге кто-то дал мне три монеты со словами:

- Возьми это, мать.

Я приняла монеты, купила три хлеба и спросила продавца, где путь к Иордану. Узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я быстро пошла, проливая слезы. Так я провела весь день в пути, спрашивая дорогу у встречных и к третьему часу того дня, когда сподобилась узреть святой Крест Христов, уже на закате солнца, я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя у реки Иордана. Помолившись в церкви, я сошла к Иордану и омыла себе водой этой святой реки руки и лицо. Возвратившись в церковь, я

причастилась Пречистых и Животворящих Тайн Христовых. Потом я съела половину одного хлеба, выпила воды из Иордана и уснула на земле. Рано утром, нашедши небольшую лодку, я переправилась на другой берег и снова обратилась к своей руководительнице - Богородице с молитвой, как ей будет благоугодно наставить меня. Так я удалилась в пустыню, где и скитаюсь до сего дня, ожидая спасения, какое подаст мне Бог от душевных и телесных страданий".

Зосима спросил:

- Сколько же лет, госпожа, прошло, как ты водворилась в этой пустыни?

- Я думаю, - отвечала она, - протекло 47 лет, как я оставила святой город.

- Что же, - спросил Зосима, - ты находишь себе на пищу?

- Перешедши Иордан, - сказала святая, я имела два с половиной хлеба; они понемногу высохли, как бы окаменели, и их я вкушала понемногу несколько лет.

- Как ты могла благополучно прожить столько времени, и никакой соблазн не смутил тебя?

- Я боюсь отвечать на твой вопрос, отец Зосима: когда я буду вспоминать о тех бедах, какие я претерпела от мучивших меня мыслей, я боюсь, что они снова овладеют мною.

- Ничего, госпожа, - сказал Зосима, - не опускай в своем рассказе, я потому и спросил тебя, чтобы знать все подробности твоей жизни. Тогда она сказала:

- Поверь мне, отец Зосима, что 17 лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями. Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла. Тогда я проливала слезы, била себя в грудь и вспоминала обеты, данные мною при удалении в пустыню. Тогда я мысленно становилась перед иконою поручительницы моей, Пречистой Богородицы и с плачем умоляла отогнать от меня мысли, смущавшие мою душу. Долго я так плакала, крепко ударяя себя в грудь, и наконец как бы свет разливался вокруг меня, и я успокаивалась от волнений. Как признаться мне, отец, в блудных вожделениях, овладевавших мною? Прости, отец. Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на

землю и обливалась слезами, представляя себе, что перед мною стоит Сама моя поручительница, осуждает мое преступление и грозит за него тяжелыми мучениями.

Поверженная на землю я не вставала день и ночь, пока тот свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне - и действительно, Она мне давала помощь и руководство в покаянии. Так провела я 17 лет в постоянных мучениях. А после, и до сего времени, Богородица во всем - моя помощница и руководительница.

Тогда Зосима спросил:

- Не было ли тебе нужды в пище и в одежде?

Святая отвечала:

- Окончив хлеба, через семнадцать лет, я питалась растениями; одежда, какая была на мне при переходе через Иордан, истлела от ветхости, и я много страдала, изнемогая летом от зноя, трясясь зимой от холода; так что много раз я, как бездыханная, падала на землю и так долго лежала, претерпевая многочисленные телесные и душевные невзгоды. Но с того времени и до сегодня, сила Божия во всем преобразила мою грешную душу и мое смиренное тело, и я только вспоминаю о

прежних лишениях, находя для себя неистощимую пищу в надежде на спасение: питаюсь и покрываюсь я всемогущим словом Божиим, ибо **"не хлебом одним будет жить человек!"** (Мф.4:4). И совлекшиеся греховного одеяния не имеют убежища, укрываясь среди каменных расселин (ср. Иов.24:8; Евр.11:38). Услышав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги.

- Не думай, - отвечала она с улыбкой, - что я со времени моего перехода через Иордан видала какого-либо человека, кроме тебя: даже зверя и животного я не видала ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слыхала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже до меня, неизвестной миру. Но заклинаю тебя воплощением Слова Божия: молись за меня, блудницу.

Так она сказала. Старец бросился к ее ногам со слезами и воскликнул:

- Благословен Бог, творящий великие и страшные, дивные и славные дела, коим нет числа! Благословен Бог, показавший мне, как Он награждает боящихся Его! Воистину, Ты, Господи, не оставляешь стремящихся к Тебе!

Святая не допустила старца поклониться ей и сказала:

- Заклинаю тебя, святой отец, Иисусом Христом, Богом Спасителем нашим, никому не рассказывай, что ты слышал от меня, пока Бог не возьмет меня от земли, а теперь иди с миром; через год ты снова увидишь меня, если нас сохранит благодать Божия. Но сделай ради Бога то, о чем тебя я попрошу: постом на будущий год не переходи через Иордан, как вы обыкновенно делаете в монастыре.

Подивился Зосима, что она говорит и о монастырском уставе, и ничего не мог промолвить, как только:

- Слава Богу, награждающему любящих Его!

- Так ты, святой отец, - продолжала она, - останься в монастыре, как я говорю тебе, потому что тебе невозможно будет уйти, если и захочешь; во святой и великий четверг, в день тайной Христовой вечери, возьми в святой подобающий сему сосуд животворящего Тела и Крови, принеси к мирскому селению на том берегу Иордана и подожди меня, чтобы мне причаститься Животворящих Даров: ведь с тех пор, как я причастилась перед переходом через Иордан в церкви Иоанна Предтечи, до сего дня, я не вкусила святых Даров. Теперь я к сему стремлюсь всем сердцем, и ты не оставь моей

мольбы, но непременно принеси мне Животворящие и Божественные Тайны в тот час, когда Господь Своих учеников сделал участниками Своей Божественной вечери. Иоанну, игумену монастыря, где ты живешь, скажи: смотри за собой и своей братией, во многом надо вам исправиться, - но скажи это не теперь, а когда Бог наставит тебя.

После этих слов она снова попросила старца молиться за нее и удалилась вглубь пустыни. Зосима, поклонившись до земли и поцеловав во славу Божию место, где стояли ее стопы, пошел в обратный путь, хваля и благословляя Христа, Бога нашего.

Пройдя пустыню, он достиг монастыря в тот день, когда обыкновенно возвращались жившие там братья. О том, что видел, он умолчал, не смея рассказать, но в душе молил Бога дать ему еще случай увидеть дорогое лицо подвижницы. Со скорбью он думал, как долго тянется год и хотел, чтобы это время промелькнуло, как один день.

Когда наступила первая неделя великого поста, то все братия по обычаю и уставу монастырскому, помолившись, с пением, вышли в пустыню. Только Зосима, страдавший тяжелым недугом принужден был остаться в обители. Тогда вспомнил он слова святой: "Тебе

невозможно будет уйти, если и захочешь!" Скоро оправившись от болезни, Зосима остался в монастыре. Когда же возвратились братия и приблизился день Тайной вечери, старец сделал все, указанное ему: положил в малую чашу Пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего, и потом взяв в корзинку несколько сушеных смокв и фиников и немного вымоченной в воде пшеницы, поздним вечером вышел из обители и сел на берегу Иордана, ожидая прихода преподобной. Святая долго не приходила, но Зосима, не смыкая глаз, неустанно всматривался по направлению к пустыне, ожидая увидеть то, чего так сильно желал. "Может быть, - думал старец, - я недостойн, чтобы она пришла ко мне, или она уже приходила раньше и, не нашедши меня, возвратилась обратно". От таких мыслей он прослезился, вздохнул и, возведши очи к небу, стал молиться: "Не лиши, Владыко, снова узреть то лицо, которое сподобил меня увидеть! Не дай мне уйти отсюда не успокоенным, под бременем грехов, обличающих меня!" Тут ему на ум пришла другая мысль: "Если она и подойдет к Иордану, а лодки нет, как она переправится и придет ко мне, недостойному? Увы мне грешному, увы! Кто лишил меня счастья видеть ее?"

Так думал старец, а преподобная уже подошла к реке. Увидев ее, Зосима с радостью встал и возблагодарил Бога. Его еще мучила мысль, что она не может перейти Иордан, когда он увидел, что святая, озаряемая блеском луны, перекрестила крестным знаменем реку, спустилась с берега на воду и пошла к нему по воде, как по твердой земле. Видя это, удивленный Зосима хотел ей поклониться, но святая, еще шествуя по воде, воспротивилась этому и воскликнула: "Что ты делаешь? Ведь ты священник и несешь Божественные Тайны!" Старец послушался ее слов, а святая, вышедши на берег, попросила у него благословения. Объятый ужасом от дивного видения, он воскликнул: "Воистину Бог исполняет Свое обещание уподобить Себе спасающихся по мере сил своих! Слава Тебе, Христу Богу нашему, показавшему мне через рабу Свою, как я еще далек от совершенства!" Потом святая попросила прочитать Символ веры и молитву Господню. По окончании молитвы, она причастилась Пречистых и Животворящих Христовых Тайн и по обычаю иноческого поцеловала старца, после чего вздохнула и со слезами воскликнула:

- Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое (Лк.2:29-30).

Потом, обратись к Зосиме, святая сказала:

- Умоляю тебя, отче, не откажи исполнить еще одно мое желание: теперь иди в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому же ручью, где ты прежде беседовал со мной; приходи ради Бога, и снова увидишь меня: так хочет Бог.

- Если бы было можно, - отвечал ей святой старец, - я хотел бы всегда следовать за тобой и видеть твое светлое лицо. Но прошу тебя, исполни мое, старца, желание: вкуси немного пищи, принесенной мною.

Тут он показал, что принес в корзине. Святая притронулась концами пальцев к пшенице, взяла три зерна и поднесши их к устам, сказала:

- Этого довольно: благодать пищи духовной, сохраняющей душу не оскверненной, насытит меня. Снова прошу тебя, святой отец, молись за меня Господу, поминая мое окаянство.

Старец поклонился ей до земли и просил ее молитв за церковь, за царей и за него самого.

После этой слезной просьбы он простился с нею с рыданиями, не смея дальше удерживать ее.

Если бы и хотел, он не имел силы остановить ее.

Святая снова осенила крестным знаменем Иордан и, как прежде, перешла как посуху

через реку. А старец возвратился в обитель, волнуемый и радостью и страхом; он укорял себя в том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать это в будущем году.

Прошел еще год. Зосима опять пошел в пустыню, исполняя монастырский обычай, и направился к тому месту, где имел дивное видение. Он прошел всю пустыню, по некоторым признакам узнал искомое место и стал внимательно вглядываться по сторонам, как опытный охотник, ищущий богатой добычи. Однако он не увидал никого, кто бы приближался к нему. Обливаясь слезами, он возвел очи к небу и стал молиться: "Господи, покажи мне Свое сокровище, никем не похищаемое, скрытое Тобою в пустыне, покажи мне святую праведницу, этого ангела во плоти, с коей не достоин сравниться весь мир!"

Произнося такую молитву, старец достиг места, где протекал ручей и, став на берегу, увидал к востоку преподобную, лежащую мертвой; руки у нее были сложены, как подобает у лежащих во гробу, лице обращено на восток. Быстро он приблизился к ней и припав к ногам ее, благоговейно облобызал и оросил их своими слезами. Долго он плакал; потом, прочитав положенные на погребение псалмы и молитвы, он стал думать, можно ли погребать тело

преподобной, будет ли ей это угодно. Тут он увидел у головы блаженной такую надпись, начертанную на земле: "Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии, отдай прах праху. Моли Бога за меня, скончавшуюся в месяце, по-египетски Фармуфий, по-римски апреле, в первый день, в ночь спасительных Страстей Христовых, по причащении Божественных Тайн¹¹".

Прочитав надпись, старец прежде всего подумал, кто мог это начертать: святая, как она сама говорила, не умела писать. Но он очень был обрадован, что узнал имя преподобной. Кроме того, он узнал, что святая, причастившись на берегу Иордана, в один час достигла места своей кончины, куда он прошел после двадцати дней трудного пути, и тотчас предала душу Богу.

"Теперь, - подумал Зосима, - надо исполнить повеление святой, но как мне, окаянному, выкопать яму без всякого орудия в руках?"

Тут он увидел около себя брошенный в пустыне сук дерева, взял его и начал копать. Однако сухая земля не поддавалась усилиям старца, он обливался потом, но не мог ничего сделать.

Горько вздохнул он из глубины души. Внезапно, подняв глаза, он увидел огромного льва, стоявшего у тела преподобной и лизавшего ее ноги. Ужаснулся старец при виде зверя, тем

более, что он вспомнил слова святой, что она никогда не видела зверей. Он ознаменовал себя крестным знаменем в уверенности, что сила почившей святой охранит его. Лев стал тихо приближаться к старцу, ласково, как бы с любовью, глядя на него. Тогда Зосима сказал зверю: "Великая подвижница повелела мне погresti ее тело, но я стар и не могу выкопать могилы; нет у меня и орудия для копания, а обитель далеко, не могу скоро принести его оттуда. Выкопай же ты когтями своими могилу, и я погребу тело преподобной". Лев как будто понял эти слова и передними лапами выкопал яму, достаточную для погребения. Старец снова омочил слезами ноги преподобной, прося ее молитв за весь мир и покрыл ее тело землей. Святая была почти нагая - старая, изорванная одежда, которую ей бросил Зосима при первой встрече, едва прикрывала ее тело. Потом оба удалились: лев, тихий, как ягненок, вглубь пустыни, а Зосима в свою обитель, благословляя и прославляя Христа, Бога нашего.

Пришедши в монастырь, он, ничего не скрывая, что видел и слышал, рассказал всем инокам о преподобной Марии. Все удивлялись величию Божию и решили со страхом, верою и любовью

почитать память преподобной и праздновать день ее преставления.

Игумен Иоанн, как о том передавала еще преподобная Мария авве Зосиме, нашел некоторые неисправности в монастыре и устранил их с Божьею помощью. А святой Зосима после долгой, почти во сто лет, жизни покончил свое земное существование и перешел к вечной жизни, к Богу¹². Рассказ его о преподобной Марии иноки того монастыря устно передавали на общее поучение один другому, но письменно не излагали о подвигах святой.

А я, - прибавляет святой Софроний, - услышав рассказ, записал его. Не знаю, может быть, кто-либо другой, лучше осведомленный, уже написал житие преподобной, но и я, насколько мог, записал все, излагая одну истину. Бог, творящий дивные чудеса и щедро одаряющий обращающихся к Нему с верою, да наградит ищущих себе наставления в этой повести, слушающих, читающих и поусердствовавших записать ее, и да подаст им участь блаженной Марии вместе со всеми, когда-либо угодившими Богу своими благочестивыми мыслями и трудами.

Воздадим же и мы славу Богу, Царю вечному, и да подаст Он нам Свою милость в день судный

ради Иисуса Христа, Господа нашего, Коему подобает всякая слава, честь, держава и поклонение со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом ныне, и всегда, и во все веки. Аминь¹³.

Тропарь, глас 8:

В тебе, мати, известно спасесея еже по образу: приимши бо крест, последовала еси Христу, и деющи учила еси презирати убо плоть, преходит бо: прилежати же о души, вещи безсмертней, темже и со ангелы срадуется, преподобная Марие, дух твой.

Кондак, глас 4:

Греха мглы избежавши, покаяния светом озаривши твое сердце славная, пришла еси ко Христу: сего всенепорочную и святую Матерь Молитвенницу милостивную принесла еси. Отонудуже и прегрешений обрела еси оставление, и со ангелы присно срадуешися.

1 Святой Софроний, Патриарх Иерусалимский, жил в VII веке. Святой Софроний был светильником не только для Палестинской, но и для всей Восточной Церкви. Именно за свою святость Софроний и был избран во

Иерусалимского Патриарха (в 634 г.). Он управлял Церковью 10 лет, ревностно защищая православное учение от еретиков-монофелитов. Ныне известные сочинения св. Софрония содержат в себе, иные - догматическое учение, другие писаны для назидания в благочестии, то в виде слов и повестей, то в виде песней. Святой Иоанн Дамаскин с похвалою отзывался о Софрониевом описании жития святой Марии Египетской. Не менее важны и другие сочинения св. Софрония, как то: объяснение на литургию, стихиры в предпразднество Рождества Христова, стихиры на водоосвящение в День Богоявления с молитвою и друг. - Память св. Софрония празднуется Церковью 11 марта.

2 Ваиа - ветви пальмовые (Ин.12:13, Мк.11:8)
Неделя ваий - иначе цветоносная или цветная - вербное воскресенье.

3 Часы - так называются молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приуроченных к каждой четверти дня и к особенным обстоятельствам страданий Спасителя. - На шестом часе воспоминаются шествие Спасителя на пропятие, самое пропятие и крестные страдания.

4 Авва - отец, наставник.

5 Это было в начале VI века, когда уже прекратились гонения и утихли ереси, и Церковь христианская пользовалась миром и спокойствием.

6 Локоть или лакоть - мера длины от локтя до конца среднего пальца, равная 10 1/2 вершкам.

7 Брань - нападение, козни.

8 Александрия - знаменитый город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила.

Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства - рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

9 Ливийцы - жители Ливии, провинции в Северной Африке.

10 Эта икона, по сказанию русских летописей, впоследствии перенесена была в Константинопольский храм Софии.

11 Преподобная Мария скончалась в 522 году.

12 Преподобный Зосима преставился в первой половине VI века. Память его празднуется 4 апреля.

13 Печерский Вознесенский монастырь был основан в окрестностях Нижнего Новгорода около 1330 года другом преп. Сергия Радонежского святым Дионисием, который ископал себе в 5 верстах от города на берегу р. Волги пещеру и подвизался в ней, а потом был архимандритом своей обители и впоследствии архиепископом суздальским. Скончался в сане митрополита киевского в 1384 году. Память его 26 июня.

